

Анатолий Аврутин

ВСЕЛЕНСКИЙ ПРЕДЕЛ

* * *

Сумасшедшее время... Страна ещё спит,
А когда пробудится от сна,
Будет чёрное солнце взметаться в зенит,
И кроваво светиться луна.

И уже не шепнётся, что всё нипочём,
Прозревая, не бросишь: «Авось...»,
Если чёрное солнце стоит за плечом
И земная шатается ось.

Будет даже представить иное невмочь –
Только эти косые дожди,
Да кровавое утро, кровавая ночь,
И кровавая даль впереди.

И услышится голос тебе из угла,
Сквозь мерцание чёрных огней:
«Коль слепая Отчизна себя проспала,
Так чего теперь плакать о ней?

И куда ты собрался, наивный чудак?..»
А ты молча поднимешь ружьё
И пойдёшь напрямки, через лес и овраг,
Помня доброе имя своё.

Даже думать не станешь – зачем, почему?
Разве солнцем надышишься впрок?
Просто молча шагнёшь в эту смертную тьму,
Чтоб упасть головою в песок.

* * *

*Я не знаю дороги к нему...
Юрий Кузнецов*

И когда старика роковая печаль одолела,
И когда ощутил он, как мало оставлено дней,
Тяжело прохрипел: «А какое, какое мне дело,
А какое мне дело до Родины гиблой моей?..

Что с того, что она одарила меня травостоем,
Где росинка к росинке, где солнце рассыпано вдрызг...
Мне внушали всю жизнь, что мы Родины нашей не стоим,
Что мы только песчинки, лишь брызги разбрызганных брызг.

Коль велела страна, я на камни швырял своё тело,
И на теле чернели следы от холодных камней.
Догорало вдали... Но какое, какое мне дело,
И какое мне дело до Родины дымной моей?

Пусть порушили Храм... За неё всё равно я молился.
Златоусты твердили о чести, о вольной душе.
В болтуне-златоусте лукавый торгаш затаился,
А Иуда-предатель в лукавом сидел торгаше...

Предпасхальной Средой непрощающе вспомнят Иуду,
И от мыслей тяжёлых отмоются в чистый Четверг.
Я ни этой Среды, ни того Четверга не забуду,
Лишь бы только Всевышний молитвы моей не отверг.

Где-то хворый Некрасов прошепчет: «Ступай себе мимо...»
Помнит Чёрная речка о бренности белых ночей.
Пусть обманет страна, но Отечество непогрешимо...
Но какое мне дело до грешной Отчизны моей?

Жалко только берёз, что поникли в осенней печали,
Жаль – испуганный аист внучонка опять не принёс.
Жаль слепого щенка... О стране пожалею едва ли...
Жалко тихой затоки... До ужаса жалко берёз...

Только если душа до сих пор упорхнуть не посмела,
Хоть шажок – от окна и четыре шага – до дверей,
Я вина отхлебну... И какое, какое мне дело,
И какое мне дело до Родины милой моей?..»

* * *

Здесь только тени нехотя рябят,
Да женщина кричит в оконце зычно...
А ты бредёшь, отметив про себя,
Что быть приличным стало неприлично.

Ещё остались школа, магазин...
Но некому учиться в этой школе.
У магазина несколько мужчин
Всё ждут открытья, ёжась поневоле.

У них привычный утренний синдром –
Всё выпито и нет на опохмелку.
И нет жильцов в том домике пустом,
Где пацаном подглядывал сквозь щелку,

Как моется соседка из ведра,
Отёчность стоп едва вместив в корыто,
Как у неё тугая грудь остра,
А ниже – кучерявость не прикрыта...

Но ты давно не мальчик... И тебе
Подглядывать совсем не интересно...
Далёкий гром играет на трубе,
И пустоте в огромном мире тесно.

Дорогой прошуршит автомобиль,
И долго пыль вослед ему кружится.
И всё видней сквозь бронзовую пыль
Друзей ушедших восковые лица.

И всё сильнее хочется туда,
Где ты далёк от этого разлада.
Хоть не уйти от мыслей никуда –
И поздно, и напрасно, и не надо...

* * *

Помню, день догорал,
 помню, птицы садились в жнивье.
Помню, губы искал...
 Но не помнится имя твоё.
Помню, плакал старик,
 что его не берут на вокзал.
Помню ранящий крик,
 но не помню, кто это кричал.
Помню, ныло лицо,
 помню свет, прожигающий тьму.
Помню, бросил словцо,
 но не помню, не помню кому.
Помню, гол, как сокол,
 помню, кто-то рыдал у ворот.
Помню, шёл... И пришёл...
 Но не помню, где выход, где вход...
Помню трепет ресниц,
 помню, думал – она божество.
Помню множество лиц,
 но не помню лица своего.
Помню, к Храму свернул,
 помню, тихо молился, скорбя.
Помню, Бог мне шепнул:
 «Я не помню, не помню тебя...»

* * *

Последний всплеск осеннего тепла
Худую крышу зацепил невольной.
И синева по крыше потекла,
И съёжилась... И сердцу стало больно.

И в этот миг с предательской тщетой
Переломилось звёздное светило.
И звуки стали робкой тишиной,
Исчезло всё... Но что же это было?

И отчего заросшею тропой
Бредёт куда-то хмурая разлука,
А луч прощальный, робкий луч слепой,
Страшится и касания, и звука?

И для дыханья сделалась мала
Грудная клетка, полная печали.
Последний всплеск осеннего тепла,
Который завтра вспомнится едва ли...

* * *

...Когда мычанье и мученья
Сливаются в безмолвный крик,
Он наступает – миг прозренья,
Что бысролётен и велик.
В него вместились боль неверья,
И волшебство, и липкий страх,
И этот стон – из подреберья,
И этот холод – в позвонках.
И капля света золотого,
И тот, полузабытый, пыл.
И женский взгляд... И это слово,
Что сердцем слышал, но забыл.
Давно и призраки не любы,
И благодать – не благодать.
И от молчанья слиплись губы,
Бессильны слово прошептать

В твоё мгновенье роковое,
Когда спружинена судьба...
И только солнце золотое
Стекает капелькой со лба...

* * *

Уже ничему удивляться не надо –
Ни слову, знакомому до мелочей,
Ни отзвуку света, ни отсвету взгляда,
Ни чёрной бездушности белых ночей.

Уже никакие волшебные звуки
Твой сгорбленный дух не поднимут опять.
Уже никакие ревнивые руки
Не смогут тебя у разлуки отнять.

Стреноженный ветер скрежещет железно
По чёрным колдобинам мёрзлой листвой.
И сам на себя всё глядишь нелюбезно,
Хоть в зеркале плещется луч золотой.

Что было бесспорным – давно уже спорно,
В гаданьях об этом непросто уснуть.
А где-то в земле наливаются зёрна,
И вновь молоком наливается грудь...

Рыдает о крыльях бескрылая птица,
А ты, уходя за вселенский предел,
Гордишься, что всё же сумел удивиться,
Чему удивляться вовек не умел.

* * *

На старом листке обтрепались края,
Изломана строчка.
Гляжу на себя... Оболочка моя,
Но лишь оболочка.

А что там внутри? Незнакомец, ты кто?
Смеёшься в кураже.
Стоит незнакомец в моём же пальто,
И шапка моя же.

На кухне садится... Супруга моя
Нальёт ему супа.
Придвинется ближе, любви не тая...
Обидеться?.. Глупо...

Он что-то расскажет о жизни моей,
И всё-то он знает.
Кивает жене? «Ну и чаю налей...»
Она наливает.

А я всё стою... Ни пальто, ни лица,
Ни шапки, ни чаю.
Неверно блестит золотая пыльца
На столике, с краю.

Ни охнуть, ни крикнуть, ни слова сказать,
Ни взять сигарету.
Шагнуть в Зазеркалье, чтоб сгинуть опять?
И зеркала нету.

Потрескалось, стоило мне углядеть,
Как всё очумело.
Стою... И рука моя виснет, как плеть...
И в трещинках тело.

* * *

Метель заплакала взхлёб,
А ты глядишь, полураздетый,
Как там, под лампой, женский лоб
Мерцает вымученным светом.

Так озаряется луна
Движеньем солнечного диска.
Так выпь, безумия полна,
Кричит от сумрачности близко.

О, этот лоб! О, этот свет,
От потолочья отражённый,
Что чуть колеблется в ответ
На этот взгляд заморожённый!

И чудится, что много лиц,
Среди безоблачной дремоты,
Где шелест выцветших страниц,
Где смолкла музыка... И ноты

Лежат неровной чередой
На чуть расстроенном рояле,
Где звуки прячутся зимой,
А летом вовсе не играли.

И ничего другого нет –
Есть только память о разлуке,
Да этот лоб... Да нервный свет...
Да эти вздрогнувшие руки.

* * *

Январский день... Ненастная погода.
Мороза нет, лишь капли по стеклу.
И всё в округе тайно ждёт исхода
Того, что множит сумрачность и мглу.

Твердишь себе: «Случайное – случайно,
Счастливых встреч не больше, чем разлук...»
Погашен свет, но что-то светит тайно...
Беззвучно всё... Но где-то зреет звук...

г. Минск